

**Иван Бондаренко. Следы его жизни. Книга о Чехове.
– Ростов н/Д., 1992. – С.144-150**

СВЕРСТНИКИ

Изучая в родном городе «местную жизнь», Антон Павлович писал Н. А. Лейкину из Таганрога: «Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны...» (2, 54).

Эту чеховскую характеристику таганрожцев вспомнил я невольно, собирая сведения об одаренной семье Блонских — близких знакомых, соседей и друзей Чеховых. Конечно же, то, что писал Антон Павлович о таганрожцах, следует прежде всего отнести к самому писателю и его родственникам; Блонские были еще одним подтверждением, правоты Чехова.

Знакомство началось с Дмитрия Савельева. В начале апреля 1879 года, заканчивая гимназию, Чехов писал в Москву брату Михаилу: «Я привезу с собой пансионера, который будет платить 20 рублей в месяц...» (1, 30). Этим пансионером оказался его друг и товарищ по гимназии Дмитрий Тимофеевич Савельев. Он был старшим сыном Тимофея Дмитриевича Савельева, известного в Таганроге содержателя буфетов при клубах и гостиницах, добрейшего весельчака, любившего рассказывать анекдоты о петербургской аристократии, которую хорошо знал. В раннюю пору отрочества Тимофей Дмитриевич научился кулинарному мастерству у придворного повара, будучи еще крепостным мальчиком графов Шереметьевых.

Савельевы близко сошлись с Чеховыми и подружились с ними. Когда сын Дмитрий окончил церковноприходскую школу, а затем гимназию, семья Савельевых переехала в Москву, а дом 81 по Елизаветинской был продан Блонским; позже к савельевскому дому были прикуплены еще два примыкавших к нему дома. В 1884 году на дочери Блонских Евгении женился Дмитрий Тимофеевич Савельев.

Семья Блонских была разносторонне одаренной, талантливой. Отец, Иасон Иванович, пользовался в городе популярностью и уважением как эрудированный юрист, работавший старшим нотариусом Таганрогского окружного суда, добрый и справедливый человек. С ним хорошо был знаком Чехов и через него пересылал письма к его дочери Е. И. Савельевой, жене своего друга Дмитрия Савельева. Говорили, что в семье Иасон Иванович жил особняком, не вникая в житейские дела, но и мать, Александра Ивановна, тоже не вмешивалась ни во что, предоставляя своим девочкам полную свободу. Она целиком была поглощена своими интересами и увлечениями: писала стихи и печаталась, хорошо музицировала, рисовала и на редкость художественно вышивала, занималась фотографией и даже открыла способ снимать одно и то же лицо на одной фотопластинке. Такой способ стал применяться значительно позже — в кино. Еще одной, сильной страстью Александры Ивановны была селекция. В ее саду, где трудилась вся ее многочисленная семья, росли выведенные ею почти сказочные розы, тюльпаны, сирень и фрукты: бархатные фиолетовые сливы, красивейшие золотисто-алые груши, сладчайшие сорта винограда и прочие чудеса.

Разносторонние задатки Александры Ивановны передались ее потомкам. У нее было семь дочерей: Евгения, Ариадна, Валентина, Виктория, Серафима, Анна и Людмила. Сестры были все хороши собой, и друзья делили их на «вакханок» и «мадонн». Все учились в гимназии, были удачливы в замужестве и счастливо, с пользой для людей, прожили свои жизни.

Старшие сестры Евгения и Ариадна Блонские были в приятельских отношениях с Антоном Павловичем Чеховым.

Сохранились три письма А. П. Чехова к Е. И. Савельевой и три ее письма к писателю. Евгению Иасоновну очень беспокоили перерывы в переписке с мужем, и однажды она попросила Антона Павловича написать ей «всю правду» о муже. 24 февраля 1884 года Чехов ответил письмом, в котором сообщал, что Дмитрий Тимофеевич задерживался в Москве из-за смерти своей матери и незавершенности финансовых дел. Тут же поделился, что собирается приехать в Таганрог в конце июня 1884 года (1, 105—106). Но это предположе-

ние Чехова не осуществилось.

17 июня 1884 года Д. Т. Савельев писал Чехову, что жена благодарит его за телеграмму (1, 511), а 2 января 1885 года, отвечая на поздравление с Новым годом, уже Антон Павлович благодарил Евгению Иасоновну: «За Ваше сочувствие по поводу усиленных занятий и нездоровья большое спасибо. Тронут и вниманием, и памятью, и искренностью... До болезни я не знал, что у меня столько друзей...» (1, 139).

Пополнить сведения о Блонских мне помогли и впечатления собственного детства. Жил я по соседству со стороны Соборного (Красного) переуллка. Наш двор отделяла кирпичная стена от сада Серафимы Иасоновны, которая была моей учительницей в рисовальной школе. Сестра художницы, Валентина Иасоновна, учила меня математике в трудовой семилетней школе № 7, занимавшей здание бывшего городского мещанского училища.

В конце сороковых годов я заглянул сюда по заданию редакции газеты, в которой работал, и неожиданно увидел Валентину Иасоновну. Она была такой же приветливой и строгой, как и когда-то. Ученики уже разошлись по домам, и мы присели в опустевшем классе. Старая учительница тихо и неторопливо отвечала на вопросы, задумываясь, вспоминала разрозненные факты из жизни своих сестер. Зная, что меня интересует среда, в которой рос школьник Чехов, сказала с сожалением: «Вот если бы Женя, та много могла бы рассказать. Но ее — увы! — уже нет¹. Попробуйте найти ее дочь».

И я нашел, хотя и нескоро. Дочь Евгении Иасоновны, учительница Евгения Дмитриевна Руокко, с которой меня познакомили друзья в 1958 году, жила на пенсии со своим мужем Евгением Давидовичем Руокко² в поселке Чайковском Пермской области. Она быстро и живо откликнулась на мои просьбы и с первым же, необыкновенно приветливым письмом прислала мне свое семейное сокровище: кабинетную фотокарточку отца и матери, отлично исполненную в цвете сепии в фотографии А. Э. Боярского в Ростове-на-Дону в 1883 году; воспоминания Евгении Иасоновны, записанные в 1910 году, и свою лекцию о творчестве А. П. Чехова. В этом письме был и такой невеселый абзац: «И чего я не могу Вам послать, — но так бы хотелось, -- это связку целую писем А. П. (Чехова. -- И. Б.) к моему отцу, которую он бережно хранил до самой смерти (1909 г.). Брат мой, Валентин, желая обнародовать письма в печати, отдал их в редакцию... и там они как в воду канули».

В другом письме ко мне Евгения Дмитриевна, вспоминая об отце, писала: «Он был земский врач, постоянно находился в работе: то в больнице, то на вызовах. В 1909 году была эпидемия сыпного тифа, и он умер в с. Амворосиевке Таганрогского округа. До самого конца своей жизни, будучи еще в сознании, отдавал распоряжения о больных. В «Таганрогском вестнике» и «Приазовском крае» напечатаны о нем большие статьи.

Антон Павлович Чехов был хорошим товарищем моего отца... Когда Дмитрий Тимофеевич уже работал врачом в деревне Ольгинфельд³, недалеко от Таганрога, Чехов часто гостил у нас, страстно увлекался охотой.

В моей памяти неясно сохранился его образ, но, по рассказам родителей, это был необыкновенно сердечный человек, остроумный собеседник, чуткий и добрый товарищ. Об этом же говорят и его письма к моим отцу и матери, которые долго хранились в нашей семье.

Сохранилось у меня об Антоне Павловиче такое воспоминание. Когда он бывал у нас в деревне Ольгинфельд, всегда играл с нами — детьми, и я отвоевала себе право закрывать за ним дверь. Я не подпускала к дверям братьев и каждый раз кричала на прощанье: «Приходите к нам и завтра!» Но, конечно, яснее, полнее он живет в моей памяти и воспоминаниями моих родителей. Веселый, добрый, отзывчивый, находчивый — таким был Антон Павлович, или просто Антон, как называл его мой отец».

¹ Е. И. Блонская-Савельева умерла в 1940 году.

² Обрусевший потомок музыканта из Неаполя, скрипач, игравший в итальянской опере в Таганроге.

³ В Таганрогском округе было много немецких колоний.

Воспоминания матери Евгении Дмитриевны Руокко действительно рисуют сердечность и отзывчивость юноши Чехова, раскрывают его общительность в быту, находчивость, предприимчивость, большие организаторские способности. Вот как рассказывает об этом Евгения Иасоновна Савельева:

«Первое мое знакомство с Антоном Павловичем произошло, насколько мне помнится, в 1874—75 году. Я была тогда в третьем или четвертом классе гимназии. У нас готовился какой-то концерт совместно с гимназистами. Репетиции назначались в мужской гимназии. Во время этих репетиций и произошло наше знакомство.

В зале шло разучивание номеров, в которых я, Чехов и еще кое-кто не участвовали. Наш антракт продолжался довольно долго, и мы проводили его в коридоре гимназии. Я и мои подруги грелись у печки и громко жаловались, что нам хочется есть. Антон Павлович, не будучи с нами еще знаком, живо откликнулся на наши жалобы и сказал, что обязательно добудет нам поесть. Он тут же отправился на кухню к директору, который жил в здании гимназии, и выпросил у кухарки большой кусок черного хлеба, соли и принес нам. Тут мы и познакомились. Пока утоляли свой голод, он успел рассказать, как напугал кухарку и как та хотела идти жаловаться к директору, но уговорил не делать этого, так как «бедненькие маленькиe птички очень хотят кушать». Это он час, гимназисток, назвал птичками.

Наконец репетиции кончились, и концерт состоялся. Но знакомство с Антоном Павловичем продолжалось. Он познакомил меня со своей сестрой, Марией Павловной, которая была немного моложе меня. Мы жили тогда на той же улице, что и Чеховы, на Конторской. Часто бывали друг у друга. Мы с Марией Павловной любили играть в мяч, в «горелки», но больше всего любили играть в «классы». Для этой игры выбирали ровное место во дворе, расчищали его и рисовали мелом квадрат, который делили на четыре части, означавшие четыре класса. К квадрату пририсовывали вверху полукруг, означавший пятый класс. Цель игры заключалась в том, чтобы, прыгая на одной ноге и передвигая ею плоский камень из одного класса в другой, пройти в пятый класс.

Помню, как играли мы вот так однажды во дворе у Антона Павловича. Были там и другие гимназистки и гимназисты. Был с нами и Антон Павлович. Мы настолько увлеклись игрой, что не заметили, как он с одним из товарищей куда-то исчез. А он, как оказалось потом, взобрался на сеник, возле которого мы играли, и стал оттуда швырять со своим товарищем в наши «классы» невесть откуда взятые маленькие арбузы. Мы, конечно, стали падать, наступая на арбузные корки. Поднялся шум, вышли родители и строго пристыдили нас. Мы разбежались, а вскоре под предводительством Антона Павловича перелезли через забор к его дяде, Митрофану Егоровичу, и там были уже в безопасности.

В том же году, — это я хорошо помню, — летом собралась большая гимназическая компания. В ней был и Антон Павлович. На чьей-то линейке (на чьей, не знаю) мы поехали кататься за город, к паровой мельнице⁴. Здесь мы спустились к морю, купались, бегали, кувыркались, пели. И вдруг нагрянули тучи с проливным дождем. Мы промокли и поспешили укрыться на старой, заброшенной мельнице, у сторожа. Мы купили у него молока, и Антон Павлович, разливая, старался, чтобы всем хватило поровну.

В следующем году мы оставили Конторскую улицу и переехали на другую квартиру, в противоположную часть города. Теперь с Антоном Павловичем встречались реже и только зимой. Наша квартира находилась над спуском к морю. По этому спуску извозчики ездили редко: он был очень крутым. Зато на этот спуск зимой сходилась много молодежи покататься на санках. Приходил сюда и Антон Павлович со своими товарищами. Мы с сестрой Ариадной тоже брали санки, и начинались гонки. Бывало по несколько часов проводили мы на ледяном спуске, и нам всегда бывало очень весело. Гимназисты курили, мы приносили им спички, за что они везли наши санки в гору, а затем скатывали вниз. Дружно мы тогда жили».

⁴ Эта недостроенная, заброшенная мельница находилась недалеко от рощи Карантин. Описана Чеховым в повести «Огни».

В старом Таганроге широко был развит санный спорт. Молодежь и даже взрослое население любили устраивать зимой на спусках к морю состязания в скоростном катании на самодельных санках, подбитых железными полозьями («подрезами»). Спусков к морю в Таганроге несколько. Все они пологие и длинные, и на них в воскресные и праздничные дни собиралось очень много любителей. Санки окрашивались в яркие цвета, обивались плюшем или сукном. Делали их подлиннее, чтобы «рулевому» можно было лежать да еще посадить впереди себя «пассажира».

Но спуск, о котором рассказывает Евгения Иасоновна, привлекал только самых смелых и отважных молодых людей. Чаще его называли Варвациевским. Чтобы усилить остроту ощущений, смельчаки поливали спуск водой, а у подножья сооружали барьер из снега — трамплин, с которого совершали многометровый воздушный прыжок и тут же резко тормозили, потому что вблизи находились таможенные постройки.

На горе обычно собиралось много зрителей - - взрослых и подростков, чтобы наблюдать за головокружительными состязаниями.

Картину таких развлечений таганрогской молодежи А. П. Чесов ярко нарисовал в автобиографическом рассказе «Шуточка». В этом рассказе все от Таганрога, от гимназического озорства самого Антона Павловича. В «Шуточке» говорится:

«Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном... пространство от ее маленьких калош до конца ледяной горы ка-жется ей страшной неизмеримо глубокой пропастью. Я сажаю ее, бледную, дрожащую, в санки, обхватываю рукой и вместе с нею извергаюсь в бездну... Мы взбираемся по лестнице на гору... Но вот наступает весенний месяц март... ледяная гора темнеет, теряет свой блеск и тает наконец. Мы перестаем кататься... я собираюсь в Петербург — надолго, должно быть, навсегда» (5, 21 — 24).

Последняя фраза указывает на время, о котором рассказывает Е. И. Савельева. Точность деталей, атмосфера, в которой совершается действие рассказа, — все очень верно воспроизводит жизнь Таганрога той поры, когда Чехов заканчивал гимназию и собирался в университет. Воспоминания Е. И. Савельевой помогают обнаружить местный, краеведческий материал в рассказе П. Чехова «Шуточка».

Летом 1960 года мне довелось повстречаться с хорошими людьми - - Евгенией Дмитриевной и Евгением Давидовичем Руокко. Несмотря на преклонный возраст, они отважно пустились в нелегкое дальнее странствие, чтобы сердцем прикоснуться к родным пенатам, чеховским местам, воплощающим народную память и любовь.

Мы весь день ходили по Таганрогу, побывали во всех его заповедных уголках. На прощанье сфотографировались у памятника А. П. Чехову перед школой его имени. Евгения Дмитриевна пообещала: «Обязательно пришлю вам еще кое-что, не менее интересное».

Но больше, к сожалению, не было ни писем, ни встреч с Руокко...⁵

⁵ Е. Д. Руокко умерла в 1963 году. Вскоре умер и ее супруг,